

**ПЕРЕВОДЫ ЭЛЛИСА, А. ГЛОБЫ, И . ГОЛОВACHEВСКОГО
В АНТОЛОГИИ «ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ»**

Ключевые слова: *Эллис, Глоба, Головачевский, перевод, подстрочник.*

В создание антологии «Поэзия Армении» В. Брюсов вложил поистине колоссальный подвижнический труд. К участию в работе над сборником он привлек видных русских поэтов того времени: А. Блока, К. Бальмонта, Вяч. Иванова, а также ряд поэтов-переводчиков, которые менее известны широкой читательской аудитории. В их числе – Эллис, А. Глоба и С. Головачевский.

Эллис – поэт-символист, философ и историк литературы, автор книги «Русские символисты», переводчик. Он был довольно известной фигурой в литературных кругах Москвы 1910-х годов. Настоящее имя Эллиса – Лев Львович Кобылинский. Первоначально он подписывался «Эл. Линс», затем буква «н» из сокращенного варианта фамилии Кобылинского «Линс» выпала, и таким образом возник псевдоним «Эллис».

Примечательно, что до личного знакомства с В. Брюсовым Эллис относился к его творчеству весьма сдержанно, полагая, что В. Брюсов – человек «недалекий и не прошедший серьезной школы познания» [Лавров 2007:127]. В свою очередь, В. Брюсов, анализируя переводы Ш. Бодлера, П. Верлена, М. Метерлинка, Данте и других авторов, выполненные Эллисом, отмечал: «Г. Эллис думает, что переводить поэтические создания значит пересказать в вялых стихах их содержание и только» [Аврелий (Брюсов) 1904:50]. Радикальный перелом в их взаимоотношениях произошел в конце 1906-1907 годов, в связи с учреждением «Общества Свободной Эстетики», призванного объединить представителей всех родов искусств. На первых собраниях «Общества» выступали именно Эллис и В. Брюсов. Затем они

стали регулярно обсуждать различные литературные темы, много беседовали о Ш. Бодлере, и Эллис говорил: «По вопросу о Бодлэре он так понял меня, что, кажется, лучше нельзя» [Шик 1977:152].

В период с 1907 по 1909 годы Эллис сотрудничал с журналом «Весы» – главным органом русского символизма, неофициальным редактором которого был В. Брюсов. В статьях и рецензиях Эллиса периода 1907-1909 годов В. Брюсов оценивается как «самый последовательный из всех русских символистов» [Эллис 1908:65]. Однако в последний год существования «Весов» началось болезненное разочарование Эллиса в своем кумире, поскольку с течением времени Эллису становилось очевидно, что В. Брюсов бросил путь служения символизму и стал профессиональным литератором.

Реакцией на подобные перепады в отношении Эллиса к В. Брюсову стала эпиграмма, адресованная В. Брюсовым Эллису:

Писатель-поезд скорый, Эллис,
Еженедельно сходит с рельс.

Им руган я немилосердно,
Потом хвалим усердно им,
А после – руган был усердно
И милосердно был хвалим... <...>

[Брюсов 1988:470]

После совместной работы в журнале «Весы» их пути окончательно разошлись. В 1911 году Эллис уехал за границу и больше никогда не возвращался в Россию. Однако в сборник «Поэзия Армении» включен перевод стихотворения Р. Патканяна «Մանվածաճմր լիսնկեր», выполненный Эллисом: «Перед изображением Богоматери».

Дело в том, что ряд русских поэтов-переводчиков, в частности, Ю. Веселовский, Ю. Балтрушайтис, Е. Выставкина, С. Головачевский и другие, занимались переводами с армянского языка еще до брюсовской антологии. Эллис также был в их числе, и его перевод для «Поэзии Армении» был заимствован В. Брюсовым из сборника «Армянская муза».

Р. Патканяна Брюсов считал одним из «зачинателей» новой поэзии. В. Брюсов полагал, что читатель не армянин не сможет в

полной мере оценить значение поэзии Патканяна, основная сила которой в чувстве высокого патриотизма, и, поскольку, по мнению В. Брюсова, истинная любовь не чуждается ни гнева, ни ненависти, то Патканян не ослеплен этой любовью, он видит «грехи и язвы родного народа», его стихи – это «голос учителя», в котором в то время нуждался армянский народ [Брюсов 1973:77].

Стихотворение «Перед изображением Богоматери» – это своеобразные размышления автора перед ликом Святой Богородицы. Сопоставление оригинала, подстрочника и перевода Эллиса выявляет достаточную близость перевода оригиналу, однако при этом выявляется ряд несоответствий. Для наглядности анализа приведем полностью текст стихотворения, перевод Эллиса и наш подстрочник.

Աստվածաձանի պատկեր	Перед изображением Богоматери	Подстрочник:
Բնչո՞ւ լալազին աչքով նըխշած է	Отчего пречистый лик Мариин,	Почему плачущим глазом украшено
Տիրամոր պատկերը ժամույրը կախած.	С тихим взором, полным горьких слёз,	Богоматери изображение в церкви висящее?
Բնչո՞ւ ձեռները նա խաչ կապած է,	Устремлён на небеса родные?	Почему руки крестом связаны
Աչքերը դեպի երկինք ամբարձած:	Отчего в нём просьба и вопрос?	Глаза к небу подняв?
Բնչ՞ի է կարոտ, ի՞նչ է աղոթում,	Ты – безгрешна. Почему ж тревога?	Почему тоскует, о чем молится
Անարատ, անմեղ, սուրբ Աստվածաձին,	И, скрестивши руки, почему	Чистая, невинная, святая Богородица,
Ասես՝ խոսքերը ջերմեռանդ սրբունեն	Ты молитвы, вздохи, Матерь Бога	Будто слова из горячего сердца
Գնում են երկինք դեպ առ սուրբ Որդին:	Воссылаешь к Сыну Твоему?	Идут в небо к святому Сыну.

Նահախ չի չջնում երկնառաք ցող	«Над землёй, над засухой гнетущей	Напрасно не спускается небесная роса
Ցամքած, կոշտացած մեր երկրի վրրա,	Снизойди, небесная роса,	Иссушенная, огрубевшая на нашей земле
Նահախ չի ծաղկում սևացած հողը,—	Убери кору листвой цветущей», —	Зря не цветет почерневшая земля,—
Այս են պաղատում աչքերը նորա: Թե որ անմեղը չաղոթեր խսկի Իրա մեղավոր աղբորը խաթրին, Երկիր կու ճաքվեր ահեղ ձեներով,	Очи Девы молят небеса... О, когда б безгрешный не молился б, Да простит злодея- брата бог, — Свод небес над нами помутился б,	Об этом умоляют глаза ее. Если бы невин- ный не молился За своего виновного брата Земля бы раскололась огромными голосами,
Երկինք կու խռովեր վերից մեր գրլխին:	И потряс бы землю тяжкий вздох!..	Небо бы обиделось сверху на нашу голову.
Թե որ արդարը չի ներեր իրա	Если б он, мучителей прощая,	Если справедливый не простит своего
Չարչաչող տանջող, գալում դուշմանին,	Не забыл безумную вражду, —	Мучающего пытающего дерзкого врага
Էլ ո՞վ էր մեզի փրկում, ազատում, Իսպառ կուվեինք դրժոխքի որդին: Ապա՝ լա՛ց ի՛րր, ծանր ա՛խ քաշե,	Кто бы спас нас, небо возвращая? Все бы мзду себе нашли в аду!.. Сирых мать и вдовых утешенье!	Кто еще нас спа- сает, освобождает, Полностью стали бы ада сынами. Тогда плачь, тяжело ах вздохни,

Որբոց Մեր, այրիաց վրխիթարություն.	Воздыхая, скорби слёзы лей!	Сирот Мать, вдов утешение
Թող քու արտասուներ վազեն ջրի պես,	Эти слёзы – мира избавленье:	Пусть твои слезы бегут как вода
Թար որ ցամաքի երկրես չարություն:	Пусть они струятся, как ручей.	Пусть иссякнет на земле злоба.

[Պատկանյան 1963:52] [Эллис 1973:252-253]

Первые строки стихотворения очень образные и достаточно сложные для перевода, при этом привычное для армян обращение к Богородице «Տիրամայր» («Богоматерь») в переводе Эллиса заменено на более привычное для восприятия со стороны русскоязычного читателя имя «Мария», а образное выражение во второй строфе («плачущим глазом украшено») в переводе Эллиса передано в нейтральном стиле («взором, полным горьких слёз»). Тем самым переводчик несколько затушевывал эмоциональный стиль поэта. При этом поэт не только эмоционален, но и религиозен, что прослеживается в его обращении к Богоматери, когда он благоговейно использует несколько прилагательных («Անարատ, անմեղ, անրբ Աստվածածին»), однако в переводе Эллиса трепетное отношение автора не ощущается: «Ты – безгрешна». Набожность автора-армянина при переводе в значительной мере занижена.

Более того, переводчик затушевывал также национальный колорит текста, переиначив исконно армянскую подоплеку стихотворения. Так, словосочетания «կոշտացած մեր երկրի» (дословно: «огрубевшей нашей страны»), «սևացած հող» (дословно: «почерневшая земля») создают угнетающую атмосферу, при этом обращение именно к родной земле также характерно для поэта-армянина, тогда как использование в русском переводе словосочетания «лиственной цветущей», которая должна покрыть «кору», создают совершенно иную картину, более понятную для читателя-не армянина. В переводе Эллиса фраза «ծանր ի՞նչ քշե՛ն» (буквально «тяжело ах вздохни»), переведена как «воздыхая». Безусловно, перевод выполнен максимально близко к смыслу, однако поэтическое русское слово

«воздыхая» лишено скорбного оттенка фразы «тяжело ах вздохни», очень характерной для выражения ощущения тоски и безнадежности в армянском языке.

В остальном перевод Эллиса вполне созвучен тексту оригинала. Приведем ряд примеров: «Արքոց Մէր, այրյաց մըխիթարութիւնն» – «Сирых мать и вдовых утешенье!»; «Էլ ով էր մեզի փրկում, ազատում, Իսլամ կուէինք դժոխքի քրդին» – «Кто бы спас нас, небо возвращая? Все бы мзду себе нашли в аду!..» и т.д.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что в смысловом плане перевод Эллиса максимально близок оригиналу. Однако при этом следует отметить, что определенные речевые обороты, характерные для носителя армянского языка и передающие национальное своеобразие произведения, не отражены в переводе. Однако подобный подход в принципе оправдан, поскольку перед переводчиками, впервые открывавшими русскоязычному читателю поэзию Армении, стояла задача ознакомления читателя с ее лучшими образцами, и дословный перевод фраз, сложных для восприятия неармянской аудиторией, лишь усложнил бы их задачу.

Начинающего поэта и переводчика Андрея Павловича Глобу, впоследствии известного советского писателя и драматурга, рекомендовал привлечь к сотрудничеству в антологии «Поэзия Армении» Вяч. Иванов. В письме от 30 июля 1915 года, адресованном В. Брюсову, Вяч. Иванов отмечает: «<...> Глоба – один из таких молодых, которые вполне хорошо могли бы справиться с переводом. Я даже ручаюсь за Глобу» [НИОР РГБ. Ф.386. Карт.87. Ед. хр.5. Л.23-24 об.]. В свою очередь, в письме Вяч. Иванову от 2 августа В. Брюсов пишет: «Я надеюсь, что Ты выберешь из этих стихов те, которые Тебе больше по душе, а другие, как предлагал, передашь г.Глобе (отличные стихи которого о восстании Уота Тайлера я читал в “Р<усской> мысли”» [Литературная Армения 1965:№11:107].

Отметим, что, в частности, широкой известностью пользовалась пьеса А. Глобы «Пушкин», которая часто ставилась в Московском театре имени Ермоловой. А. Глоба – автор драматической сцены «День смерти Марата» (1920), трагедии

«Фамарь», водевиля «Любовь, бакалавр и подмастерье сапожного цеха» (1923) и др. Он выступал также как переводчик: в советских театрах в переработке А. Глобы под названием «Пролитая чаша» шла знаменитая пьеса китайского драматурга Ван Шифу «Западный флигель»; он переводил поэзию Г. Абашидзе, И.-В. Гете, Г. Гейне и др.

В брюсовской антологии приведено стихотворение Иоаннеса Иоаннисяна «Ալազանի քարերը սարին» в переводе А. Глобы.

Как пишет В. Брюсов, поэт И. Иоаннисян выпустил первый сборник стихов тогда, когда деятельность Р. Патканяна стала «менее интенсивной». При этом В. Брюсов подчеркивает, что его поэзия близка народной песне, поскольку И. Иоаннисян обработал древнейшие песни и предания, что, по мнению В. Брюсова, является характерной особенностью школы «русских армян» [Брюсов 1973:80-81].

Стихотворение «Ալազանի քարերը սարին» очень образное и эмоциональное. Это авторское обращение к покрытой снегом горе Алагяз с просьбой пропустить его к любимой.

Вначале приведем текст стихотворения И. Иоаннисяна, перевод А. Глобы и наш подстрочник:

	Перевод А. Глобы	Подстрочник
Ալազանի քարերը սարին	Снег засыпал все пути –	На Алагяз высокой горе
Ձին ա կիսովել կատարին,	Ни проехать, ни пройти.	снег собрался на крыше
Սարի ճամփեր, բաց էնք,	Ах, раскройся, Алагяз,	Горы дороги, откройтесь
Էթամ, հասնեմ իմ յարին:	К моей милой пропусти.	Пойду, доберусь до любимой
Ա՛յ, իմ ճամփեն քարոս ա,	Путь мой тяжек, каменист,	Ах, мой путь каменист,
Միտու երված, յարոս ա.	Сердце сохнет, словно лист.	Сердце обожглось, в любви,

Ղարբբի օրն ըլնի սև,–	Я без милой – на земле	Чужестранца день пусть будет черным
Ազիզ յարի կարոտ ա:	Чужестранец, день мой мглист.	По азиз яр тоскует.
Յարիս տեսա, լալիս էր, Լալիս, գլխին տալիս էր. Ճամփա տվե՛ք, ա՛յ սարեր, Ձեռով արի՛ գալիս էր:	Видел милую: без сна Горько плакала одна. Дай дорогу, Алагяз,–	Любимую увидел Плакала Дорогу дайте
Էն ի՞նչ դուռ ա էն քարին...	Что за птица там, на пне?..	Это что за голубь на камне?..
Միրտըս կաթում ա արին,	Сердце точит кровь, в огне.	Из сердца моего капает кровь,
Ա՛յ, իմ թառլան, թև տուր ինձ,	Через горы б полетел	Ай мой сокол, крыло дай мне
Թոնեմ, հասնեմ իմ յարին:	К милой, если б крылья мне.	Полечу, доберусь до моей любимой.
[Հովհաննիսյան 1971:161]	[Глоба 1973:278-279]	

Образная картина «высокой горы», на «гребне» которой лежит снег, в переводе полностью затушевана. И слова, выбранные переводчиком («пути», которые «ни проехать, ни пройти»), и общая мелодика создают атмосферу, более характерную для равнинной России, нежели для гористой Армении. «Միրտս էրված, յարոտ ա»,– восклицает поэт, а в переводе А. Глобы эта строка звучит «Сердце сохнет, словно лист.» Подобная метафора ясна для восприятия русскоязычного читателя, навеявая образы из русского фольклора, и абсолютно не соответствует армянскому речевому обороту. Исконно армянское и очень эмоциональное обращение к любимой «Ազիզ յարի կարոտ ա:» [Հովհաննիսյան 1971:161] (дословно – по азиз яр тоскует») переведено просто как «без милой» – опять же русифицированный перевод со сниженной эмоциональной

окраской, тогда как И. Иоаннисян в очень эмоциональной манере передает душевное состояние как лирического героя, так и его возлюбленной: Յարիս տես, լալիս էր, // Լալիս, գլխին տալիս էր. Однако в переводе А. Глобы эмоциональный накал утрачен: «Видел милую: без сна Горько плакала одна».

Мы хотели бы также отметить, что слова «յար», («яр») и «ազիզ յար» («азиз яр»), наиболее часто употребляемые в армянской фольклорной традиции и означающие «любимая» (или «любимый») использовано в стихотворении И. Иоаннисяна четыре раза. И все четыре раза А. Глоба переводит их как «милая». На наш взгляд, слово «милая» очень характерно для русской поэтической традиции, тогда как слово «любимая» звучит более нейтрально и было бы более уместно при переводе с армянского языка.

Обращение И. Иоаннисяна «ս' յ սարէր» (ай горы – мн.ч.) А. Глоба переименовал: «Алагяз». Переименованы также слова «գուշ» (голубь) и «քար» (камень): «Что за птица там, на пне?...» [Глоба 1973:280]. Замена обусловлена стремлением переводчика сделать текст более понятным для русскоязычного читателя, для которого «пень» привычнее, чем «камень», а более общее понятие «птица» в данном контексте звучит яснее, чем «голубь», который в русской литературной традиции менее ассоциируется с мотивами тоски. «Ա՛յ, ի՛նչ թռչալիս, թև տուր ինձ» – восклицает автор (дословно – «ай, мой сокол, крыло дай мне»). Поэтическое обращение, ассоциирующееся с мотивами народной поэзии, в переводе А. Глобы исчезает вовсе: «если б крылья мне».

Подытоживая проведенный анализ, можно сделать вывод о том, что перевод А. Глобы достаточно русифицирован и не отражает национальный колорит стихотворения и народный характер образной системы стихотворения. Он скорее может восприниматься как произведение, написанное русским автором, нежели как перевод армянского поэта.

Информации относительно личности поэта и переводчика С. Головачевского достаточно мало. Известно, что он издал две собственных книги – «Стихотворения» и «Мене текел фарес», выпустил две книги бельгийских поэтов в своем переводе: «Царство молчания» Жоржа Роденбаха и «Ночь» Ивана

Жилькена, также переводил Жерара де Нерваля, Шарля Бодлера, Леона Дьеркса, современных ему итальянских поэтов; известна его попытка продолжить пушкинский набросок «В голубом эфире поле...».

Для брюсовской антологии С. Головачевский перевел стихотворение Сипил «Իւեալը» («Идеал»).

«Сипил» или «Запел Асатур» – это псевдоним Забел Ханджян, известной армянской поэтессы, педагога, которая занималась также общественной деятельностью. Сипил была одним из основателей общества «Azganuer hayuheats unkerutium», целью которого было учреждение школ для девочек в турецких провинциях.

Сипил писала поэтические и прозаические произведения и также занималась переводами. В её произведениях, в частности, неоднократно поднимался вопрос о равноправии женщин.

В. Брюсов считает, что поэзия Сипил ни в чем не уступает «лучшим образцам французской поэзии того же периода», в её стихах «есть что-то характерно-женственное, что редко встречается в армянской поэзии» [Брюсов 1916:89].

Стихотворение «Իւեալը» написано на западноармянском языке, который более певучий и мелодичный. Поэтесса стремится уловить и облечь в словесную форму то возвышенное, что можно назвать идеалом.

Приведем текст стихотворения, перевод С. Головачевского и наш подстрочник.

Իւեալը	Идеал	Подстрочник
Լուսնի շողն է գոր կը մարտ շուտ արփին,	То – солнца яркий луч	Луны луч, что поблекнет быстро на рассвете,
Հուր երագ մը որ այգուն դէմ կը դեղինի,	То – сон из пламени	Огненный сон, что перед рассветом пожелтеет,
Փայլակն է ան շանթին վաղանց գարնանայնի, Ծաղիկ մ'որուն թերթերն հովէն կը թափին:	То – молния на миг пришедшей к нам весны Цветок	Зарница то молнии быстротечной весенней Цветок, которого лепестки от ветра опадут,

Հուր երագ մը որ այգուն
դէմ կը դեղնի,
Օրհածանին լոյս
ժապաւենն է նըրբին,
Օտղիկ մ'որուն
թերթերն հովեն կը
թափին,
Լուրթ կամարին
հիւսիսայգն է ծիրանի:

Օրհածանին լոյս
ժապաւենն է նըրբին,

Փըշոտ վարդ մը որմէ
լանջքը կ'արիւնի,

Լուրթ կամարին
հիւսիսայգն է ծիրանի,

Միշտ փըշրուղ ձիւն
փըրփուրն է քարափին:

Փըշոտ վարդ մը որմէ
լանջքը կ'արիւնի,

Փետուր մըն է փըռած
կուրծքէն կարապին,
Միշտ փըշրուղ ձիւն
փըրփուրն է քարափին:

Ինչ որ հովը, օդը, ջուրը
կը տանի:

Փետուր մըն է փըռած
կուրծքէն կարապին,
Սուրբ համբոյր մը
եթերին մէջ հոլանի,
Ինչ որ հովը, օդը ջուրը
կը տանի:
Իտէալն է՝ օրօրն
հոգոյն մըրափին:

То – сон из пламени,
бледнеющий с рассветом,

То – лента радуги,
прозрачная, в огнях,

Цветок, роняющий свой
венчик знойным летом,

Сиянье севера в
лазурных небесах.

То – лента радуги,
прозрачная, в огнях,

То – роза, грудь твою
пронзившая шипами,

Сиянье севера в
лазурных небесах,

То – пена волн в борьбе
напрасной со скалами.

То – роза, грудь твою
пронзившая шипами,

От крыльев лебедя
слетевший пух с высот

То – пена волн в борьбе
напрасной со скалами

Дыханье воздуха, течение
быстрых вод.

От крыльев лебедя
слетевший пух с высот,

Священный поцелуй в
заоблачном пределе,

Дыханье воздуха, течение
быстрых вод,

Для духа идеал – качанье
колыбели.

Огненный сон, что перед
рассветом пожелтеет,

Радуги светлая лента
нежная,

Цветок, которого
лепестки от ветра опадут,

На лазурном небосводе
северное сияние
абрикосовое.

Радуги светлая лента
нежная,

В шипах роза, что на
грудь твою кровь
прольет,

На лазурном небосводе
северное сияние
абрикосовое.

Всегда разрушающаяся
белоснежная пена на
скале.

В шипах роза, что на
грудь твою кровь
прольет,

Перышко, слетевшее с
груди лебедя,

Всегда разрушающаяся
белоснежная пена на
скале.

Что ветер, воздух, вода
унесет.

Перышко, слетевшее с
груди лебедя,

Святой поцелуй в эфире
открытом,

Что ветер, воздух, вода
унесет,

Это идеал – колыбель
души спящей.

Սուրբ համբոյր մը
էթերին մէջ հոլանի,
Կոյսն անմատոյց բոց
տենչելու տարափին,

Իտէլան է՝ օրօրն
հոգւոյն մըրափին,
Խըռովիչ հոյլ
անուրջներու պատանի:

Կոյսն անմատոյց բոց
տենչելու տարափին,

Ըզմեզ կէանքին կապող
նսկի մատանի,

Խըռովիչ հոյլ
անուրջներու պատանի,
Միբոյ երգը սըրտի
խորունկ պարապին:
[Միպիլ 1955:48-49]

Священный поцелуй в
заоблачном пределе

То – дева, чуждая
пылающим страстям,

Для духа идеал – качанье
колыбели

Мечтаний юных сонм,
летающий к небесам.

То – дева, чуждая
пылающим страстям,

Кольцо, связавшее нас с
жизнью, золотое,

Мечтаний юных сонм,
летающий к небесам,

Сердечный гимн любви в
торжественном покое.

[Головачевский 1916:420]

Святой поцелуй в эфире
открытом,

Дева, непричастная о
пламени мечтающей
лавине,

Это идеал – колыбель
души спящей,

Мятежным ленивым
грезам юным.

Дева, непричастная о
пламени мечтающей
лавине,

Нас с жизнью
связующее золотое
кольцо,

Мятежным ленивым
грезам юным,

Любви песня сердца в
глубоком покое.

Уже в первой строке С. Головачевский допустил неточность. Если для Сипил идеален нежный лунный луч, то в переводе С. Головачевского идеальным становится яркий солнечный свет. В переводе несколько искажена и образная картина: если Сипил подчеркивает нежность лепестков, не выдерживающих дуновение ветра, то С. Головачевский привносит образ знойного лета, нарушая ощущение хрупкости, которое подчеркивает Сипил. На наш взгляд, особенно обидна «потеря» прилагательного «абрикосовое» в переводе С. Головачевского. Ведь абрикос является одним из символов Армении, именно абрикосовое дерево используется как источник древесины для известного армянского национального музыкального инструмента – дудука. Использование абрикосового цвета в обрисовании идеальной картины со стороны Сипил можно расценивать как дань уважения традициям родного народа, и тот факт, что данное прилагательное выпало из перевода С. Головачевского, можно расценивать либо как

незнание данного обстоятельства со стороны переводчика, либо как его решение не акцентировать внимание на этом факте, поскольку русскоязычный читатель мог посчитать его использование неуместным.

В остальном же С. Головачевский довольно точно переводит стихотворение. Приведем ряд примеров: «Փայլակն է ան շանթին վաղանց գարնանայնի» – «То – молния на миг пришедшей к нам весны», «Փետուր մըն է թըռած կուրծքէն կարապիւն» – «От крыльев лебедя слетевший пух с высот», «Փրշոս վարդ մը որմէ լանջըրդ կ'արիւնի» – «То – роза, грудь твою пронзившая шипами» и т.д.

Таким образом, на основе сопоставления текста стихотворения Сипил, составленного нами подстрочника и перевода С. Головачевского можно отметить, что переводчик довольно верно воспроизвел содержание стихотворения. Однако при этом следует также отметить ряд упущений и неточностей. Они связаны либо с недостаточным знанием истории и культуры Армении, либо со стремлением переводчика сделать перевод максимально доступным для восприятия со стороны носителей другой культуры. При этом в ряде случаев следует также констатировать ряд смысловых неточностей, в результате чего переводчик создает менее воздушную и хрупкую картину, чем автор.

Подытоживая проведенный анализ, отметим, что, наряду с маститыми поэтами-переводчиками, в создание антологии «Поэзия Армении» внесли свою лепту и малоизвестные переводчики, личности и работы которых также достойны внимания исследователей. Перед ними стояла сложная задача ознакомления русскоязычного читателя с лучшими образцами армянской поэтической мысли, приобщения их к богатой истории, культуре и передачи духа подлинника. Важно вновь отметить огромную роль В. Брюсова, который не только привлек к работе над антологией «Поэзия Армении» лучших поэтов своего времени, но также использовал переводы, выполненные ранее не столь известными специалистами и помещенные в других изданиях, значительно обогатив тем самым содержание сборника. В числе «заочных» переводчиков брюсовской

антологии – Эллис и С. Головачевский. Анализ перевода выявил, что перевод стихотворения Р. Патканяна «Տիրախոյն», выполненный Эллисом, достаточно точно передает смысловое содержание текста, однако следует отметить стремление переводчика русифицировать определенные слова и фразы для более точного их восприятия со стороны русскоязычной аудитории. А. Глоба, который перевел для антологии стихотворение И. Иоаннисяна «Աշխարհ բարձր սարին», практически полностью русифицировал его и затушевал эмоциональную выразительность текста. В переводе «Դու՛նալը» Сипил, выполненном С. Головачевским, нами также выявлен ряд неточностей, которые опять же приводят к снижению эмоционального фона и потере национального колорита. Однако, в целом, вышеуказанные переводчики внесли свой вклад в дело ознакомления русскоязычного читателя с выдающимися поэтами Армении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюсов В.Я. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. Историко-литературный очерк // Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней, в переводе русских поэтов. Ереван, 1973.
2. Брюсов В.Я. Эллису // Русская эпиграмма XVIII-начало XX века). Л., 1988.
3. Аврелий (Брюсов В.Я). О книгах // Весы. 1904. №7.
4. Глоба А.П. Снег засыпал все пути // Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней, в переводе русских поэтов. Ереван, 1973.
5. Головачевский С. Идеал. Там же.
6. Лавров А.В. Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007.
7. Литературная Армения. 1965. №11.
8. НИОР РГБ. Ф.386. Карт.87. Ед. хр.5. Л.23-24 об.
9. Шик Н. Валерий Брюсов в переписке Метнера и Эллиса // Брюсовский сборник. Ставрополь, 1977.

10. Эллис. Кризис современного театра // Вестн. 1908. №9. С.65.
11. Эллис. Перед изображением Богоматери // Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней, в переводе русских поэтов. Ереван, 1973.
12. Հովհաննիսյան Հ.Մ. Ալազյազ բարձր սարին // Հովհաննիսյան Հ.Մ: Հատրնտիր: Երևան, 1971:
13. Պատկանյան Ռ.Գ. Աստվածածնի պատկեր // Պատկանյան Ռ. Երկերի ժողովածու. Հ.1. Երևան, 1963:
14. Սիպիլ Իտեալը // Սիպիլ: Բանաստեղծություններ: Վենետիկ-Ս.Ղազար, 1955:

DIANA SARAFYAN – THE TRANSLATIONS BY ELLIS, A.GLOBA AND S.GOLOVACHEVSKY FOR THE ANTHOLOGY «THE POETRY OF ARMENIA»

The article refers to the analysis of the translations of verses by R. Patkanyan, I.Ioannisyanyan and Sipil in the anthology «The Poetry of Armenia». The above-mentioned verses were translated by Ellis, A.Globa and S.Golovachevsky. The author of the article made an attempt to reveal whether the translators had managed to preserve the Armenian national spirit and the emotional mood of the originals.